

7 АВГ 1984

5

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ЛЮДИ ИСКУССТВА

Не так уж давно из-под пера Чингиза Айтматова вышел в жизнь путевой обходчик Едигей, а уже сбосел, считай, полмира и объявился на берегах Днепра. Точнее, на сцене Русского драматического театра имени М. Горького. Режиссер-постановщик В. Мазур сам создал пьесу по мотивам романа «И дольше века длится день». Народный артист республики Ж. Мельников играет в нем главную роль.

Как правило, инсценировки не в состоянии уместить в коротком сценическом времени все богатство идей и образов, заключенных в многостраничной прозе. Есть потери и в нашем случае. Но несомненно, коллектив театра доносит до зрителя тревожный ритм «Буранного полустанка». Может быть, и потому тоже, что в их души запал пронзительный крик сказочной птицы Доненбай: «Вспомни, чей ты? Как твоё имя?»

На такой вопрос Мельников мог бы ответить:

— Я коммунист, сын своего отца, коммуниста, сражавшегося под Нарвой с фашистами. Когда пришла похоронка, мне едва исполнилось семь лет. Но я уже мог по слогам читать: «Ваш муж и отец в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, находясь на фронте, погиб при выполнении боевого задания...». Я не верил письму и долго сторожил пожилую почтальоншу, надеясь на чудо. Мы жили тогда на Урале в эвакуации, возле лесопильного завода. Вместе со всеми мама ворошила багром и грузила на машину скользкие бревна. Распухшие, в ссадинах мамыны руки, картофельная шелуха с кусочком хлеба, ватные чулки вместо валенок — вот приметы моего детства. Но были в нем и светлые страницы: пионерский отряд, первая дружба, книги. Настал день, и мы вернулись в родной Днепропетровск. Здесь бегал в школу, был принят в комсомол, окончил театральное училище. А зовут меня Жан: отец любил Виктора Гюго, его героя Жана Вальжана.

В спектакле, естественно, нет этого автобиографического монолога, но, создавая образ Едигея, Мельников опирался и на свой нравственный опыт. Ведь подлинное творчество всегда круто замешано на памяти прошлого и современной памяти и обращено в будущее.

Никогда еще артист Мельников не оказывался столь обделенным в выборе внешних средств выразительности: ни эффектного костюма, ни грима, ни спасительных мизансцен. Крохотное пространство возле согбенного ветра дерева сакаула, белого, как кость павшего верблюда. Четыре шага к рукояти перевода стрелки железнодорожных путей. И еще один — на самый краешек рампы, лицом, а скорее сердцем, в зрительный зал.

Сердце видят только хирурги, остальные его или чувствуют, или нет. Когда играет Мельников, его сердце чувствуют. Так было с первой ролью Олега в пьесе В. Розова «В поисках радости», которой Жан заявил о себе как артист со своим видением мира. Любимый учитель и друг И. Кобринский мог быть доволен своим воспитанником. В журнальных рецензиях тех

ОТВЕЧАЯ
ПТИЦЕ ДОНЕНБАЙ

лет образ Олега ставился в один ряд с работами О. Табакова и О. Борисова. Народная артистка СССР Наталья Ужвий восторженно приветствовала светлый талант мальчишки с Чечеловки, рабочей окраины Днепропетровска. Здесь его корни, «малая родина», куда снова и снова возвращаешься в поисках радости.

Радость приходила вместе с новыми ролями — то совсем маленькими, как крестьянин в «Вирине» Л. Сейфуллиной, то в сложном образе Михаила из «Зыковых» М. Горького, а то вдруг затаивалась в облике чудаковатого вампиловского Сарафанова. Драматургия А. Вампилова привлекала своей негромкой достоверностью. Он мечтал об «Утиной охоте», чувствуя, что сыграет не просто Зилова, но и даст бой зидовщине. А пока с режиссером Е. Зубовским ставили «Старшего сына». Жан мог бы согласиться на предложение играть в нем Сильву: к тому времени он блистательно зарекомендовал себя как острохарактерный актер в пьесах Шекспира, Чехова, Шукшина. Но ему поручили образ пожилого кларнетиста, чуточку старомодного, беспредельно наивного и в то же время так похожего на его собственного отца.

В образе Сарафанова Мельников спел гимн человеческой доброте, но сам остался не совсем доволен работой — словно не досказал определяющее в характере своего героя слово. Наверное, хотелось придать добру больше нравственной силы. Сила эта появилась в образе Руже де Лиля в музыкальном телеви-

зионном спектакле «Марсельеза», закалилась в тренировочной «Любови Яровой», где Жан сыграл Швандю, и во всю мощь прозвучала в «Большевиках» М. Шатрова, в которых он создал убедительный образ Якова Свердлова. Актер не стремился к портретной достоверности. Иные задачи поставил он перед собой — донести до зрителя во всей полноте человеческую сущность революционера. Мы видим Председателя ВЦИК в тяжелые дни, когда ему приходится решать важнейшие вопросы политики и тактики партии большевиков в условиях острой классовой борьбы. Свердлов — Мельников — человек единства слова и дела, а это означает, в частности, что поступает он так, как велит убеждения. Заслуга артиста и его коллег в том, что они исполнены были желания увидеть сегодняшний день сквозь призму истории, в нерасторжимой связи времени и событий.

Поражает умение Жана Александровича находить художественно точные пропорции между бытовым и философским решением характера. Его бравый солдат Швейк, например, в меру традиционен и, наверное, мало бы чем выделялся на фоне целой плеяды талантливых исполнителей этой роли, не внеси Мельников в спектакль одну деталь. Вот он появляется на сцене с детским шариком в руке. Реквизит как реквизит, ничего особенного. Но вот Швейк облачает власть, толкающую солдата на братоубийственную войну. На сцене под звуки затихающего боя возникают люди-мишени. Кто же целится в них? Лучи софи-

тов, словно ножницы, выстригают из подумрака усталого, измученного человека, одетого в нелепый мундир. Он уцелел и вынес с собой детский шарик. Мгновенная художественная гиперболизация, доступная волшебству театра, и уже нет игрушки, есть земной шар с его многотрудными сегодняшними заботами.

Я люблю минуты после спектакля, когда пустеют сцена и зрительный зал, а артисты снимают костюмы, стирают с лица грим, снова возвращаясь к обывательной лексике. Они уже в ином временном состоянии. Ко мне приходят мгновения почтительности к их таланту, ведь в памяти продолжают жить герои только что состоявшегося действия, и сознание, остужая пережитое, все еще не может оторваться от праздника мыслей и чувств, требует продолжения. Поздравляю коллег Жана — Л. Вершинину, В. Баянко, К. Бурцева, партнеров и единомышленников по искусству. Потом мы выходим с Жаном на площадь уже затихающего ночного города. А рано утром у него занятия с учащимися театрального училища. Я улыбаюсь: четверть века назад Жан едва не был исключен из училища за то, что по водосточной трубе поднялся на второй этаж в музыкальный класс. Сочинилась мелодия песенки осеннего дождя. А где проиграть? Своего инструмента у юноши не было.

Жан привык добиваться поставленной цели. Однажды шутя обронил друзьям по улице: «Еду в Одессу сниматься в кино». Было ему тогда семнадцать лет. И, представьте себе, снялся в киноленте «Весна на Заречной улице». Без знакомств и протекций. Неважно, что в массовке на секунду мелькнуло его лицо. Но ведь мелькнуло! Не солгал.

Увлечение кино не прошло бесследно, обогатив артиста вниманием к эпизодическим ролям. Умение точно распорядиться художественной деталью раскрылось в «Характерах» В. Шукшина, где Жан Александрович блистательно сыграл несколько ролей. Запомнился он и в роли Мультика в пьесе Дударева «Вечер». Однако, думая об артисте Мельникове, я прежде всего вижу его в ролях Свердлова в «Большевиках», Васильева в «Выборе». Народный артист СССР Ж. Мельников мастер психологической драмы. Истоки его мастерства в четкой гражданской позиции, верности лучшим образцам советского театрального искусства. Его диалоги со зрителем потому так и ценны, что за ними угадывается художник, обладающий даром острой публицистичности.

А. ПАЛЬМ.

Народный артист СССР
Ж. Мельников.

Фото П. Шиманского.